

Петрозрадската ојкумена школска 60-х

Письма
самим
себе

Михаил
Семенов

16+

Михаил Семенов

**Петроградская ойкумена
школяров 60-х. Письма самим себе**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Семенов М.

Петроградская ойкумена школяров 60-х. Письма самим себе /
М. Семенов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Эта книжка воспоминаний, а местами и авторская реконструкция уклада 60-х годов Петроградской стороны Ленинграда. Изложено от лица школяра обычной тогда 10-летки №69 имени А.С. Пушкина, располагавшейся в здании бывшего Александровского Императорского лицея на Каменноостровском проспекте Санкт-Петербурга. Главные герои — учителя, ученики и их близкие. А место действия — комплекс школьных зданий в лицейском парке, дома и улицы школяров, кинотеатры, стадионы, магазины, летние дачи и даже бани Петроградской тех лет. Затронуты темы психологии взросления подростков, мотивов их мировосприятия, исканий предназначения, осознания конечности человеческого бытия и неравномерности течения времени жизни. Судьбы школяров очерчены как звенья в цепи предков и предтеч, вплетенные в полотно свершившихся драм страны. Временной горизонт «эха» истории — с начала прошлого века и до наших дней.

© Семенов М., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Михаил Семенов

Петроградская ойкумена школяров 60-х. Письма самим себе

Посвящается учителям, школьным друзьям, петроградским сверстникам, всем, кто есть и кого уже нет.

*Где это, что это, как не забылось?
Вновь и навеки вернуться душой...
К дальней тропе, пробредающей между
Явью и нами, в пыли золотой?
Евг. Курдаков*

Содержание

О чём это?

1. Рубежи Петроградской ойкумены школяров 60-х

1.1. Идёт направо – песнь заводит...

1.2. Налево – сказку говорит...

2. Наш Детинец

2.1. Улица Рентгена

2.2. Обитель

2.3. «В кругу друзей и муз». Сквер на Каменноостровском

3. Alma mater на Каменноостровском проспекте

3.1. Школа

3.2. Вафельная трубочка из школьного буфета

3.3. Школьный (лицейский) парк

3.4. Голубая парта лицеиста Салтыкова-Щедрина

3.5. Время петроградских школяров 60-х

4. Учителя

4.1. Вторая мама

4.2. Пан-спортсмен

4.3. Законы Кеплера с эффектом Брумма

4.4. Черчение на листе ватмана

4.5. Жаконя

5. Весенние каникулы на Петроградской

5.1. Понедельник. Музей-квартира С.М. Кирова

5.2. Вторник. В гостях у «Алена Делона»

5.3. Среда. Артиллерийский музей

5.4. Четверг. Ботанический сад

5.5. Пятница. Театр имени Ленинского Комсомола

5.6. Суббота. Крылья Чкалова. Памяти друга

5.7. Воскресенье. День птиц в «Ленинградском зоопарке»

6. Культурный слой

6.1. Кинотеатр «Арс» на улице Льва Толстого

6.2. Библиотека имени А.С. Пушкина на Большой Пушкинской

6.3. ЦПКПО на Елагином острове

6.4. «Дворец культуры Ленсовета на Петроградской стороне...»

6.5. Бани Петроградской

6.6. «Пионеры» и «Мурзилки» петроградских школяров

7. «Если хочешь быть здоров...»

7.1. Айболиты школяров

7.2. Скорый доктор Николай Хлебович

8. Летний отдых за городом

8.1. На даче в Зеленогорске

8.2. Пионерский лагерь

8.3. В деревне у прадеда

8.4. Спортивный лагерь петроградской ДЮСШ в Вырице

8.5. Родительские «фазенды»

8.5.1. «Что ж ты не смазал уключину маслом...»

8.5.2. Топонимика. Орехово, но уже без орехов

8.5.3. Метель

9. Шопинг школяра

10. Письмо самому себе

10.1. Судьбы петроградских школяров

10.2. Дни рождения школяров

10.3. «Разбег души» школяров с Петроградской

10.4. Тропинки старения наших школяров

10.5. Мессенджеры и девайсы прошлого. Письмо самому себе

11. Послесловие

О чём это?

Прожив немало лет, однажды вдруг осознаешь их неумолимую быстротечность. Ветер времени порой шквалистыми порывами перелистывал страницы наших судеб. К счастью, у многих еще остается время восстановить и переосмыслить былое, закрепить на бумаге, конечно, самое памятное и дорогое.

У автора таким оказался школьный период в 60-е годы прошлого столетия. Детские, подростковые и юношеские годы проживания на Петроградской, учебы в обычной ленинградской 10-летке № 69 имени А.С. Пушкина, располагавшейся в здании бывшего Императорского Александровского лицея на Каменноостровском проспекте Санкт-Петербурга.

Для подростка это годы безграничных перспектив, шансов и путей развития. Каждый прожитый день тогда случался долгим и наполненным, а утро – радостным. Мы, школяры, погружались в мир вещей, понятий и их отношений. Этот мир заполнял нас, предлагая каждый раз сделать выбор траектории взросления. Как тогда было не ошибаться, ведь добро и зло казались порой неразличимы, а озорство и даже случайное хулиганство тоже служили инструментами познания.

Мы, обычные советские школяры, проводя будни ученичества под «присмотром» бронзового бюста Пушкина, лишь проносились сквозь незримую молчаливую память стен лицейских коридоров. Кто-то, может, смутно и ощущал при этом подобные едва пульсирующему камертону отголоски блестящего и драматичного прошлого. Нам не рассказывали об истории Лицея. Сегодня стали известны трагичные судьбы его преподавателей и выпускников в годы революции, вплоть до финального «Дела лицейстов» 1925 года.

В этой книжке собраны воспоминания о Петроградской 60-х, учебе в этой школе, учениках, учителях, школьном комплексе зданий, парке, улицах района и домах, где жили школяры. Не забыты музеи, кинотеатры, стадионы, магазины и даже бани Петроградской тех лет.

Эти заметки являются отражением граней памятного образа, что остался дорог и, наверное, потому не забылся.

1. РУБЕЖИ ПЕТРОГРАДСКОЙ ОЙКУМЕНЫ ШКОЛЯРОВ 60-х

Мы жили, а многие и родились, неподалеку от нашей незабвенной школы на Каменноостровском, тогда – Кировском проспекте. Можно сказать – в самом центре Петроградской, и уже с первых классов, взрослея, обживали свою ойкумену, расширяя ареал пеших прогулок по району. Сперва это были «дерзкие» вылазки с друзьями, подчас без спроса у старших: словно географы-первооткрыватели, мы осваивали районные «дали», наполняясь ментальными вибрациями старых улиц, скверов и дворов петроградских домов, растворяясь в этом космосе своей малой родины. Вспоминая те прогулки-походы, замечаю, что главными ориентирами притяжения, определяющими направление очередной «экспедиции», были два манящих рубежа: Большая Невка у Каменноостровского моста с прилегающим Лопухинским садом (тогда Дзержинского) и второй – Петропавловская крепость, Нева у Троицкого моста (в те годы – Кировского). Маршруты в сторону этих конечных рубежей были весьма разнообразными, непрямолинейными, часто необъяснимо затейливыми. Пройдемся, конечно, мысленно по тем улицам Петроградской 60-х годов минувшего века, тропинкам нашего детства и юности.

1.1. Идёт направо – песнь заводит...

К первой цели мы непременно направлялись в сторону Ботанического сада, ведь сюда ходили еще с группой детского сада с середины мая и теплой сентябрьской осенью. Тогда дружно вдоль трамвайных путей брели по улице Петропавловской до одноименного деревянного трехпролётного моста через Карповку. Он располагался по оси улицы. Подобный деревянный мост (Гренадерский) на ряжевых опорах от устья Карповки утыкался в «Выборгский» берег в створе Сампсониевской церкви.

Карповка, конечно, не река, а одна из протоков дельты Невы, да и карпов тут отродясь не водилось (версия – корпийоки (фин.), лесная болотистая речушка). Мы вглядывались сверху в толщу её темных, опутанных колышущимися водорослями вод. Гранитной облицовки берегов ещё не было. Плавным мутным шлейфом из выпуска трубы растекались сточные воды, у её оголовка деловито сновали хвостатые пасюки, в них мы бросали специально захваченные с собой камешки. Порой, к нашему восторгу, с грацией Кентервильского привидения выплывало и бледное «изделие № 2». Видимо, о его недетском назначении мы уже тогда были наслышаны, так, что попасть в него камнем было особенно радостно.

Школярами к этому мосту часто добирались и по территории городка больницы имени Эрисмана или 1-го Меда. Раньше больница называлась Петропавловской, и это чудом сохранило название улицы в советское время. Здесь росло много старых дубов и клёнов. Осенью, проходя мимо, мы рассовывали по карманам зелёные с прожилками лаковые желуди. На выходе с территории (или на входе, если с улицы) стоял павильон вахты. Ворота открывались только для служебных автомобилей. Тут же было и больничное справочное.

В Ботанический сад обычно старались проникнуть сквозь раздвинутые прутья его забора со стороны Карповки. Перед этим всегда любовались рядом пришвартованных катеров и лодок у Гренадерских казарм. Стоянка-эллинг была, похоже, ведомственная, многие владельцы, видимо, отставники часами с неугасаемой нежностью ухаживали за своими любимцами. Кто-то был во флотской пилотке, кто-то в поношенном кителе, и всегда в тельняшках.

В Ботаническом разузнали место, где осенью созревал «северный» (может, районированный) виноград, ягоды были небольшие, но достаточно сладкие. Нас, конечно, гоняли, но пару гроздей удавалось с собой прихватить.

Через территорию сада выходили к ЛЭТИ на улице Проф. Попова. Главный корпус этого института в виде средневекового замка производил впечатление. Тут хотелось учиться.

У счастливыхчиков так и случилось. Старшая сестра соседа-одноклассника на последнем курсе ЛЭТИ вышла замуж и переехала к мужу. В её освободившейся 9-метровой комнатухе помещались диван и однотумбовый ученический стол. Мальчишка занял «по наследству» эти хоромы и, разбирая опустевшие ящики стола, обнаружил блокнот, заполненный аккуратным девичьим почерком. Текст оказался предсвадебной «инструкцией», конспектом-подсказкой, похоже, из «Камасутры». Так произошло наше первое, пусть и теоретическое, «крещение» в этих «запретных» вопросах.

На территории института обращали внимание на сохранившуюся часовню или небольшой храм. На двери висела табличка вроде «метрологическая лаборатория». Хорошо, что не склад швабр. В вестибюле построенного позже корпуса 2, теперь «С», уже в студенческие годы разрешались (к праздничным датам) рок-вечера. Более «забойных» исполнителей и аппаратуры я не слышал в те годы ни в Политехе, ни в 1-м ЛМИ. Романтическое знакомство или просто разговор тут из-за громкости были невозможны, но энергетика и драйв сполна заменяли прочие стимуляторы.

Далее, бывало, выходили на набережную Б. Невки, тут притягивал не ясный нам, «тайный» в своем запустении обелиск. Это теперь мы знаем, что он установлен на месте дачи Петра Столыпина, где на него покушались революционные террористы. Наверное, мог быть и «заказ» его политических оппонентов. От взрывов погибли люди, младшая дочь лишилась ног. Каким чудом он простоял тут, пережив советский период страны? Что знали мы о Столыпине в школе? Разве что «столыпинский галстук» – так его недоброжелатели называли тогда виселицы. А стремительный рост экономики страны в результате его реформ – так это сопутствующие досадные мелочи, то ли дело Беломорканал!

Другой дорогой по Аптекарскому проспекту доходили до любимого «своего» стадиона «Медик». Он побывал и «Зенитом», и «Буревестником». Располагался в обрамлении старых клёнов, что золотились с середины сентября. А с конца апреля на его просохших гаревых дорожках появлялись бегуны, ещё с улицы слышался звон футбольных мячей. Лёгкой атлетикой здесь занимались и несколько наших школяров. Помню одноклассника Петра Малышева, его рельефные натруженные мышцы ног, выпуклые от тренировочных нагрузок вены. Зимой заливались каток и беговые дорожки, сияли гирлянды лампочек. Позже рядом с полем построили двухэтажный спортивный корпус. Тут занимались взрослые и дети.

Одной из «звёзд» Петроградской той поры в памяти остался работавший здесь тренер спортивной гимнастики Михаил Алексеевич. Этот уже немолодой рыжеволосый, с выправкой бывшего спортсмена простой «дядька» делал чудеса из своих непослушных питомцев. Он звал их ласково, как своих: Сашка, Федька, и дети его обожали, потому старались, преодолевали себя. В 90-е стадион приватизировали, секции ликвидировали. Как-то на Левашовском проспекте, напротив ДК имени Ленсовета, увидел у овощного уличного прилавка знакомую рыжую шевелюру. Он сидел на ящике сбоку, возможно, караулил в отсутствие продавца. Я окликнул его по имени, напомнил о своём мальчишке и тех тренировках. Он молча, будто виновато, долго вглядывался в моё лицо, а на его небритой щеке застыла слеза.

Рядом со стадионом высилась «новая» телебашня, какое-то время она была одной из самых высоких в Европе. Стояла башня и прежняя, на улице Проф. Попова. Старшие школяры ещё застали период строительства новой, почти одновременно строилась и станция метро «Петроградская». Кто-то из парнишек вечерами пробирался на их стройплощадки и потаскивал крупные монтажные болты и гайки для самостоятельного изготовления опасной пиротехники.

Неподалёку тогда работали несколько заводов медицинского и фармацевтического профиля. Для их сотрудников на стадионе проводились спартакиады и межзаводские соревнования. После приватизации часть заводов оказались полузаброшенными, какие-то цеха и помещения сдавались в аренду. Тут случайно встретил знакомого школяра (учился у нас 2—3 года).

Он, став «молодым» пенсионером, наладил в одном из бывших заводских гаражей кузнечную мастерскую. Обзавёлся необходимым оборудованием, сложил горн. Оказалось, после школы и армии Юра закончил техникум, проработал на заводе, мечтая о ранней пенсии для возможности заняться творчеством. Специально для этого выбирал вредное производство: гальванический и горячие цеха. Вначале стал мастерить каминные наборы, решетки на окна офисов, затем оградки на кладбища. Делал их со вкусом, художественно, предпочитал стиль модерн. Эта работа свела его со многими питерцами, в том числе художниками. С ними он любил «посидеть», стал своим, близким в этих божественных кругах. Кто-то (обычно безденежные родственники) за его работу рассчитывался живописью, иногда и старой. Стала складываться серьёзная коллекция. Её пополнили этюды Хаима Сутина, Павла Филонова, затем два небольших «масла» Рериха. Жена сердилась, не видела в этом прока, ждала «живых» денег. Дошло до развода – да и как могли ужиться два пассионария?! Но любовь осталась, и они продолжали жить в одном доме, теперь «свободными», а их взаимная привязанность и чувства от этого заиграли новыми гранями. Да разве забудешь, как он молодым парнем, чтобы её покорить, предложил совместную поездку к южному морю... на своём мотоцикле: 2 тыс. км туда и столько же обратно. Как тут было устоять?!

Проходя по улице Проф. Попова в сторону Каменноостровского, обращали внимание на необычный здесь, в окружении кирпичных зданий, двухэтажный деревянный дом в усадебном стиле. На стене была табличка – что-то о Вс. Вишневском. Нам он был тогда неизвестен, в школе не изучали, наверняка с заслугами перед революцией, как иначе, пусть и литературными. Поэтому между собой его так и называли – дом Вишневского. Мы не были бы мальчишками, если бы не забрались во двор этого дома, с той стороны его мало кто видел. Он был с верандой во двор, оказался бывшей дачей купца Балашова, сменил ряд владельцев и еще перед революцией, по воле последнего – Михневича, стал пристанищем питерской богемы, творцов авангарда: писателей, художников. Кто-то здесь жил, порой бесплатно, кто-то работал. Здесь бывали Велимир Хлебников, Павел Филонов. Работы Филонова загадочны и трудны для прочтения, ждут адекватной аналитики. У меня образы его живописи всплывают каждый раз при чтении романов Андрея Платонова «Котлован», «Чевенгур», «Город Градов». Судьбы Филонова и Сутина оказались чем-то похожи. Почти ровесники, первый остался в «красной» России и, даже не получив положенной пенсии, пытался вплетать свой труд в энергетический вихрь «нового» мира, второй покинул Россию еще до революции. Умерли почти в одно время, почти одинаково – от голода. Да, так же, как и друг Филонова Хлебников – «Председатель Земного шара». В последний путь ушли совсем без проводов и почестей. Первого на Серафимовском оплакала лишь сестра, на похороны Сутина во Франции пришел один Пикассо. Нынче в этом доме, отреставрированном заново после пожара новоделе, располагается музей петербургского авангарда. Как драматичны порой были судьбы его творцов!

Наш путь дальше продолжался к Лопухинскому саду (тогда Дзержинского). Замечательный особняк-дачу лесопромышленника Василия Громова занимал тогда Дом пионеров и школьников (ДПШ) Петроградского района. Из окон раздавались звуки рояля, скрипки, хороших штудий. В теплое время года в саду работали ученики студии ИЗО, кто с этюдником, а кто-то просто с фанеркой на коленях и с приколотым листом бумаги. В пруду сада, а скорее ландшафтного парка, захватив удочки, можно было выловить несколько колюшек или плотвичек, просто так, для интереса.

Возвращались домой обычно по Кировскому проспекту. Вечером загорались шары уличных фонарей в виде карточных «крестей-треф», сияли витрины магазинов. Словно красивые девушки, своими формами и декором притягивали взор особняки Вяземского и Игеля, тогда там по-хозяйски обосновались советские партийцы Ждановского района, а когда-то в пристроенном к особняку знаменитом ресторане Игеля «Эрнест» бывали Шаляпин, Чехов, Горький и Куприн. Возле Карповки жемчужиной смотрелся особняк Покотиловой. Казалось, что там

была стоматология, ан нет – КВД, дворцовый гостеприимный вип-чертог сифилитиков. Браво! Другого помещения, видимо, было не подобрать. Зато унизили барыню по полной, пусть и «вдогонку». Особо любовались мы витриной булочной, что была почти напротив мебельной фабрики у Пионерского моста. Вся её экспозиция состояла из фигурок, выпеченных из теста. Это был высший пилотаж как художественного, так и пекарского мастерства, ведь даже щёчки персонажей сияли подрумяненной корочкой. После дождя мокрый асфальт тротуаров мягко с расфокусом отзеркаливал огни машин и светофоров. Проходили мимо рампы кинотеатра «Приморский» ДК Ленсовета. Изучали афишу детских утренников на ближайший выходной. Затем, перейдя Кировский, всегда задерживались у «живой» витрины рыбного магазина, вот уж где были настоящие карпы! Сворачивали к кассам нашего «Арса»: а что покажут и там воскресным утром? В завершение проходными дворами или нашим сквером рассыпались по дворам своих домов, на ходу придумывая, как правдоподобней объяснить столь длительное отсутствие.

Эти места и маршруты Петроградской, конечно, не были забыты и в юности. Часто вспоминаю майскую грозу с сильным ливнем, заставшим двух молодых людей в попытке укрыться под кроной раскидистого клёна рядом с жилым домом, построенном на территории Ботанического сада для сотрудников. Положение было безвыходное, оставалось только наперекор стихии крепче обняться. Кто жил в этом доме в то время – уже не восстановить. А ведь случилось просто чудо, и оно стало судьбоносным, как расценить иначе. Представьте – открывается окно на бельэтаже, и приятный женский голос приглашает к себе в дом переждать стихию. Мокрые босоножки из переплетённых тонких красных ремешков вешаются для просушки над газовой плитой. На стол подаётся свежее испечённая ватрушка с тёплым молоком. После дождя, провожая, вас приобнимают и желают счастья.

Сколько хороших и порой даже совсем незнакомых людей желали нам в жизни добра и счастья! И как после этого не быть счастливым? Спасибо им всем!

1.2. Налево – сказку говорит...

Эту часть описания наших прогулок в сторону Петропавловской крепости можно было бы назвать «из центра Петроградской в центр Петербурга». Туристам, правда, предлагают в качестве центра города Дворцовую площадь, но разве место успения русских императоров уступает в сакральности? Да, и тут, на территории близ первой площади Петербурга, Троицкой началась его застройка. Рядом, под кирпичным футляром, сохранился даже деревянный дом(ик) Петра. Недаром и в одном из соседних сталинских домов жил партийный глава области Г.В. Романов. В наши школьные годы неподалёку возвели статусный жилой дом «Дворянское гнездо» с видом на Неву и Летний сад. В нём поселилась ленинградская знать – власть вперемешку с богемой, в основном номенклатурной. В их числе главреж БДТ Г.А. Товстоногов, актеры Евг. Лебедев и Вл. Стрельчик, композитор А. Петров, дирижер Евг. Мравинский. Цокольный этаж дома занимали гастроном и кафетерий. Аромат свежемолотого кофе не уступал тут лучшим кофейням Невского проспекта, а ассортимент продуктов в гастрономе – Елисеевскому. Спустившись по гранитным ступеням набережной и наслаждаясь звуками мягких шлепков тягучей, почти неподвижной толщи воды, при желании можно было увидеть на противоположном берегу Невы даже Евгения Онегина, фланирующего за разглядыванием выгула невест в Летнем саду. Неподалёку мальчишками мы бегали зимой и в корабельный музей на крейсер «Аврора», погреться.

В эти места можно было добраться либо по безлюдной, словно каньон с заводскими задами, улице Чапаева, либо по Мичуринской. Начинали путь с Большой Монетной (Скорехова), затем – по Малой Монетной, где жили несколько наших одноклассников. Со смешанными чувствами проходили мимо дворца Горчаковых. Тут нас принимали в комсомол «комитетовцы», почти ровесники, но, казалось, уже с налётом номенклатурной особы. Строго по-

взрослому, утомлённо-снисходительно, задавали, казалось, каверзные вопросы. Похоже, они уже тогда знали, что вот-вот наступит время, и они, в отличие от нас – «лошар», через бизнес-трамплин НТТМов и аппаратные связи взмоют молодыми банкирами, биржевиками, руководителями СМИ, в крайнем случае – депутатами. Так и произошло, защищать «завоевания» социализма и Советский Союз никто из них не стал.

Дворцовый флигель занимал райвоенкомат. Отсюда мы уже в 7-м классе неожиданно получили в почтовые ящики блеклые невзрачные бумажки. Повестки. Нынче это затёртое словечко «повестка», «сорное» в устах современных политологов, всегда напоминает только о той военкомовской бумажке. Этой повесткой нам «предлагалось» явиться. Не «просили», не «следовало», а предлагалось. Что так вкрадчиво? Не по-военному, даже не по-мужски. Вроде – «как захочешь, можешь и не приходить...». Так шпана в тёмном подъезде, наслаждаясь беспомощностью жертвы, для начала «предлагает» поделиться сигареткой. Цель повестки – постановка на учёт и получение приписного свидетельства. С этого момента мы уже не принадлежали своим матерям и близким, хотя они тогда ничего не поняли. Нас можно было теперь, призвав, лишиться здоровья, покалечить, надломить психику, приказать убивать, даже своих, как когда-то рабочих Новочеркасска, да и самих запросто лишиться жизни. Кто-то и погиб: в Будапеште, Праге, Анголе, Мозамбике, Вьетнаме, Египте, на острове Даманском и, конечно, в Афгане. Погибали и просто в частях при отравлении гептилом, облучении, случайных взрывах боеприпасов, в разборках дедовщины. Теперь, задним числом, зададимся вопросом: за что в мирное время не стало этих парней, что, кроме ненависти получила взамен наша страна? Опустевшие русские земли...

Всегда, проходя мимо этой конторы, вспоминаю «Поезд в огне» Гребенщикова:

*...Нас рожали под звуки маршей,
Нас пугали тюрьмой...
...И люди, стрелявшие в наших отцов,
Строят планы на наших детей...
...Я видел генералов,
Они пьют и едят нашу смерть...*

Каждое утро, следуя мимо соседней многоэтажки, вижу на стене скромную табличку, будто виновато сообщающую: «в этом доме живёт семья рядового «имярек», погибшего в республике Афганистан при выполнении интернационального долга». Жильцы соседних домов, уже не одно десятилетие проходящие тут дважды в день, опускают глаза, втягивают головы в плечи. Ведь у них тоже дети и внуки. Парню было 19 лет. Кому он успел так «задолжать»? Все подобные таблички следует прибить на стены военкоматов как «боевые» итоги престарелых стратегов, так распорядившихся жизнями чужими, но не своих близких. Прибить гвоздями, заржавленными от слёз родни и невест. Кто теперь ответит, с кого спросить? Тогда мы, правда, об этом не думали, думаем ли сегодня?

Ну а матери продолжали с любовью нас тянуть, кормить, одевать, не спать ночами во время наших болезней. Учителя тоже старались как могли, учили и воспитывали порядочными, грамотными людьми. С последним бывали проблемы. И вот нас – троих семиклассников – «командировали» на вечерние дополнительные занятия по русскому языку с репетитором, пожилой учительницей. Занятия проходили на втором этаже дворового флигеля за домом № 33 по улице Скороходова. Наверное, это был «красный уголок» для политзанятий и просто «тусовок» пенсионеров. Один из трех, ученик нашего класса по фамилии Новиков, тихий, голубоглазый, с чуть выющимися светлыми волосами немного заикался. Он смешно говорил: «пуфто здесь...», что значило «потому что здесь...» Те занятия что-то дали, хотя понятие «спражение» не могу понять до сих пор.

Далее шли к улице Мира. Тут в здании дореволюционной гимназии располагалась элитная 80-я «английская» школа. Кто-то из наших школяров после восьмого класса спешно перебрался туда, видимо, бесплатно подготовиться к отъезду из страны. Эту улицу одна из моих бабушек по-прежнему называла Ружейной, ведь в 1913 году начинала учиться в этой гимназии. В 1914-м с началом 1-й мировой ее передали под госпиталь, гимназисток перевели в другие помещения. Рядом со школой в нескольких корпусах обосновалось артиллерийское училище. Даже на улице тут осязался стойкий запах гуталина начищенных кирзачей, кожи ремней и крепкого пота тренированных молодых, марширующих строем, курсантов. Сколько наших девушек-красоток решилось связать с ними свои жизни, а счастливых судеб, к сожалению, почти не припомню. Видимо, не удосужились в своё время полистать «Юнкера» и «Поединок» Куприна.

Начальник училища с семьёй жил в нашем доме. Казался высокомерным, надутым, будто всегда чем-то недовольным. С нами не здоровался, похоже, был обижен, ведь отправили в отставку вскоре после присвоения генеральского звания. Может, что не дали вволю находиться в штанах с лампасами? Надевал их только на празднования 1 Мая и 7 Ноября. Раздобревший живот перетягивал ярко-жёлтым с золотой нитью парадным поясом, сбоку пристегивал кортик. Мы дерзко передразнивая и «прикалываясь», тоже цепляли на пояс игрушечные алюминиевые в пластмассовых ножнах кортики. Так и встречали его в нашем дворе. Как-то обратил внимание, что из окон генеральских квартир, а в нашем доме их было три, ни разу не слышал звуков живой музыки, клавиш пианино, струн гитары, скрипки. А как было раньше? Навскидку:

С. Рахманинов: отец и дед по матери (генерал Бутаков) – военные;

М. Глинка: отец – отставной капитан;

А. Бородин рос в доме отчима, военного врача;

М. Мусоргский по семейной традиции с малых лет учился в школе гвардейских прапорщиков, затем кавалерийских юнкеров;

Н. Римский-Корсаков – из семьи потомственных морских офицеров, да и сам офицер, старший брат – будущий контр-адмирал.

Все они с рождения слышали живую, исполняемую близкими музыку ещё дома.

Среди наших школяров музыкой занимались немногие. Кто-то – в музыкальной школе на Большом проспекте, приятель – в ДПШ, а кто-то и в нашей музыкальной школе на Кировском, в помещении особняка С. Витте. Этого яркого оппонента П. Столыпина ещё до революции называли «Полусахалинским», ведь именно он возглавлял делегацию России и подписал акт позорной капитуляции с передачей Японии половины Сахалина и Курильских островов. Тогда эскадра России в Японском море была разгромлена, сдан Порт-Артур. Наша «Аврора» героически участвовала в тех событиях, чудом вырвалась из окружения и на остатках угля, с изрепечённым корпусом, нашла временное спасительное пристанище на американских Гавайях.

В 90-е в одну из этих музыкальных школ напросился сын нашего школяра Андрюша Терёхин. Жили-то неподалёку. В их комнате большой коммуналки инструмента не было вовсе. Стервозные соседи, да и годы отчаянного безденежья. Мальчишка на склеенной из нескольких листов бумаги ленте расчертил клавиатуру и занимался беззвучно, лишь тактильно имитируя требуемые движения пальцев. В школе этого не знали, но отмечали дарование. Правда, завистников хватало, да и характер паренька был непрост: после замечаний замыкался, а то и вовсе молча впадал в ступор. С ним ладила только учительница сольфеджио Елена Александровна, и он доверился ей, её тихому ласковому голосу, кустодиевскому несовременному облику с уложенной вокруг головы русской косой. С её помощью он оказался участником серьёзного международного конкурса и неожиданно для всех стал лауреатом, заняв второе место, первое было «забронировано» для отпрыска «уважаемого» товарища. Закончил консерваторию, аспирантуру. Где он нынче – не знает никто, может, концертирует за рубежом, преподаёт в Китае или

«скромно» служит органистом в лютеранской кирхе одной из скандинавских стран. Вспоминали свою учительницу, что не дождалась ни писем, ни звонков?

Ну а мы, школярами, топали к своей цели дальше, мимо сказочного дома Лидваля, далее, перейдя Кировский, минуя памятник «Стережущему», углублялись в Александровский парк (тогда Ленина). В тёплое время года с обратной стороны памятника по трубе подавалась вода, журча, она неспешно изливалась из открытого кингстона. Памятник поэтому казался живым. Теперь этого нет, объясняют порчей бронзы. Далее выходили на пляж Петропавловки. Тут с апреля можно было позагорать, а в конце мая даже окунуться в замазученные невские воды. Забирались и на открытые площадки верха бастионов крепости, конечно, задерживались у сигнальных пушек – нашего питерского полуденного метронома. Оказалось, что именно отсюда, а вовсе не с «Авроры», прозвучал тот легендарный октябрьский пушечный выстрел. Историю с «Авророй» выдумал некто Курков, бывший матрос, затем красный функционер, не переживший, правда, рокового самоистребления той номенклатуры. Зато эта байка позволила сохранить для нас крейсер, героя русско-японской войны 1905 года. Пусть так.

От равелинов, бывших тюремных застенков, веяло холодом, даже порой и жутью. Сколько узников сгинуло тут с времен княжны Таракановой – не перечесть. Ботик – лодка Петра – позволял немного «оттаять». Помню и экскурсию на Монетный двор во дворе крепости. Здесь чеканили металлические монеты, изготавливали ордена, медали и значки. Нам разрешили выбрать себе по одному значку в подарок. Наудачу попался красивый, с элементами перегородчатой эмали на латунной основе, значок «Зенита». Храню до сих пор. На колокольне собора били куранты часов, неумолимо бесстрастно отмеряющие поток времени, что замечает следы кровавых расправ прошлых веков. Расправ именно тут, и над замешкавшимися в октябре 17-го представителями элиты города, а значит, и страны: боевыми офицерами-фронтовиками, купечеством, чиновниками, студентами и даже случайными обывателями. И если верить холодящим душу опубликованным дневникам Зинаиды Гиппиус – чьи-то их тела выводили тогда скормить хищникам городского зоопарка. Ведь неподалёку. Хорошее начало для строительства «общества-счастья», по-хозяйски!

Мы же, дети своего мирного советского послевоенного времени, с радостью ходили на праздничные демонстрации. Конечно, с разноцветными надувными шарами, флажками и блестящими раскидаями на эластичных резинках – небольшими набитыми опилками мячиками. Дома – скромное застолье в кругу семьи. Вечером непременно салют. Здесь, на пляже Петропавловки, для этого устанавливали батарею гаубиц. После залпа требовалась их перезарядка, 5—7 минут, и в эту паузу удавалось что-нибудь шепнуть своей спутнице.

В парк Ленина со старинным корпусом ЛИТО, теннисными кортами, а главное, ожерельем объектов культуры: театра, двух кинотеатров и планетария, мы добирались, иногда «стартуя» от пл. Льва Толстого и далее по Большому проспекту. Ведь и тут жили наши школяры. Сворачивали налево, бывало, по улице Подковырова, далее по Кронверкской мимо Сытного рынка. Здесь на углу Большого проспекта стоит невысокое, благородных форм и пропорций, дореволюционное здание с большими окнами-витринами. Ныне «Рив Гош», а тогда был женский универмаг «Татьяна». Может, кто вспомнит роман Э. Золя «Дамское счастье», в нем так назывался один из парижских универмагов в начале прошлого века. Почему-то мысленно этот наш универмаг я называл так же. Бывало, сворачивали по Введенской (Олега Кошевого). Выходили прямо к кинотеатру «Великан» на Кронверкский проспект. Тогда здесь открыли рыбный ресторан «Демьянова уха». Кто читал одноимённую басню Крылова, знает, что это выражение означает слишком навязчиво предлагаемую услугу или угощение, вызывающее в итоге отвращение. Но наш люд «басенными» смыслами не из школьной программы не «заморачивался». Кормили, правда, там вкусно, разве забудешь с корочкой запечённого с картофелем и луком судака в горшочке.

Самым дальним путём с радостью проходили по всему Большому, ведь тут были три кинотеатра, два магазина игрушек, спортивный, фототоваров, мебельный, три канцелярских, три книжных, три ателье, магазин грампластинок, четыре гастронома, булочных-кондитерских – не счесть.

В старшем классе, скопив какую-то сумму, стали изредка наведываться в бар плавучего ресторана «Парус», именуемый «поплавком». Сначала с компанией старших, затем с подружкой. Здесь было всегда накурено, но пахло настоящим кофе, шоколадом, апельсиновой цедрой и дорогим алкоголем. В полумраке ненавязчиво звучала хорошо подобранная музыка. Помню одного из посменно работающих барменов – Виктора. Он не курил, был похож на конторского служащего, разве что без нарукавников. А запомнился каким-то добрым, буквально отеческим отношением к нам, малолеткам, новичкам этого вертепа завсегдатаев. Как сладостно было затеряться за дальним столиком в этом беззаботном уголке взрослого мира! Наши колени касались. А мысли? Их тогда не было вовсе.

Оттуда сворачивали к Князь-Владимирскому собору, через сквер добредали до Большой Пушкарской. Ну а дальше до Кронверкского проспекта и вдоль ограды зоопарка, задержав дыхание от запаха стеснённого пространством зверинца, выходили к кинотеатрам и театру имени Ленинского комсомола. Там за служебной оградой во дворе театра находилось двухэтажное общежитие для сотрудников. Когда-то, в пору работы в театре Г.А. Товстоногова, в нём проживала и семья молодых актеров – Т. Доронина и О. Басилашвили.

Эти петроградские маршруты никогда не надоедали, и пройтись ими было всегда радостно даже без определённых целей. Что тут удивительного, ведь это и была наша малая родина, наша ойкумена.

Большинство школяров с годами разбрелись, разъехались по районам города, стране, а кто-то и в зарубежье. Но многие, знаю, любят при случае навестить родные пенаты, пройтись по этим улицам юности и детства. Ведь с годами то ушедшее время становится всё дороже и временами даже ближе.

2. ДЕТИНЕЦ

*Звон трамвая голосист и гулок,
Парк расцвечен точками огней,
Снова я пришёл на переулок –
Переулок юности моей.
Над асфальтом наклонились вязы,
Тенью скрыв дорожку мостовой.
Помню, как к девчонке сероглазой
Торопился я под выходной.
Как, промокнув под дождём весёлым,
За цветущий прятались каштан,
Девочка из сорок третьей школы
И до слёз смущённый мальчуган...
Ген. Шпаликов*

2.1. УЛИЦА РЕНТГЕНА

Эту небольшую улицу Петроградской, бывшую Лицейскую, а с 1923 года носящую имя немецкого физика Вильгельма Рентгена, мы ощущали своей с раннего детства, ещё в детсадовской группе на прогулках. Гуляя, наблюдали, как вроде неспешно строились кирпичные дома на её ранее пустых участках: на углу улицы Л. Толстого и за трамвайными путями на продолжении улицы Рентгена в сторону Б.Невки. Топая тут, мы уже чутко улавливали по запахам,

звукам, архитектуре и функционалу строений своеобразие и отличия отдельных ландшафтных участков и зон такой камерной, тогда почти пустынной улицы большого города. Остатки имперской столичной роскоши: бывший дом воспитателей Лицея, доходный дом цветочного «короля» дореволюционного Петербурга – Эйлерса, особняк С. Чаева, здание бывшей больницы Общества гомеопатии – соседствуют с советскими строениями стиля сталинского неоклассицизма. Тут же располагались производственные корпуса и территория завода «Пирометр». За ними бывший доходный дом № 7, победнее. Было много зелёных зон, как парковых, где ныне сквер Фёдора Углова, так и естественных, запущенных. Заводскую территорию и один из корпусов Радиевого института разделяла зелёная зона (часть бывшего лицейского парка), отгороженная от улицы глухим деревянным забором с калиткой. Рядом находилась кнопка звонка. В глубине – одноэтажное деревянное строение и будка сторожевого пса. На улицу из-за забора свешивались ветви старых древовидных плакучих ив. На другой стороне улицы, между Рентгеновским институтом и школьной спортивной площадкой, где мы любили погонять мяч, было просто «деревенское» запустение: поляны с высокими травами и ковром ярких одуванчиков весной, а также несколько старых яблонь и всегда много бабочек и птиц. Иногда, при соответствующем ветре, тут даже были слышны звуки поездов и гудки паровоза, ведь за Невкой поблизости проходили железнодорожные пути Финляндского вокзала. Перед памятником Рентгену росли старые одеревеневшие кусты боярышника и персидской сирени. Пряное и горьковатое цветение боярышника к концу лета празднично одаривало кусты красноватыми лакированными плодами.

Обживать же нашу улицу по-настоящему мы стали, вступив во «взрослую», школьную пору. За улицей Л. Толстого, буквально до Гренадерских казарм, располагался огромный пустырь. На топографических картах подобные территории обозначают термином «изрыто». Ведь так и было, кругом овраги да воронки, кучи строительного мусора. До жилых домов далеко, поэтому бегали туда озорничать. Жгли костры, пекли в золе принесённую из дома картошку. Где-то на территории 1-го меда раздобыли ящики с пустыми медицинскими пузырьками и, соревнуясь в меткости, били их из рогаток и пневматики. Однажды кто-то постарше привёз с мест боёв на Карельском, скажем так, опасные изделия. Бросали их в костёр и наблюдали канонаду. И, как говорится, Бог миловал. Позже тут началась стройка корпусов клиник профессоров Углова и Колесова. Территорию обнесли забором, а чтобы снаружи было интереснее, чем внутри, по линии забора установили пивной ларёк. Нас привлекала возможность, постояв в небольшой очереди, побыть в обществе «предвкушающих» взрослых, почувствовать энергетику этого пусть и специфического, но мужского «братства». Здесь мы впервые в холодный период попробовали и пиво с подогревом. Его наливали по просьбе, напиток действовал мягко и быстро. И это удовольствие стоило тогда 11 копеек за маленькую кружку, большую выпить ещё не могли.

В новом доме на углу с улицей Л. Толстого, постройки 1957—1959-х годов, жил с родителями наш одноклассник. Этот красивый пятиэтажный дом позднесталинской архитектуры почему-то не имел лифтов и тоже оказался коммунальным. В трехкомнатной квартире жили три семьи. В коридоре на стене висел график уборки общих мест. Перед первым школьным Новым годом в конце второй четверти меня отпустили одного вечером к другу, чтобы вместе изготовить ёлочное украшение – «китайский» фонарик из цветной бумаги. Обратно шёл в валенках по нашей заснеженной пустынной улице, в руках пакет из старой газеты с рукотворным фонариком. Тогда и в это позднее время на улице было безопасно. Шёл мимо заводского корпуса, работа кипела – видимо, вторая смена. Зарешеченные окна на первом этаже были приоткрыты, между рам стояли стеклянные полулитровые бутылки молока, женщины в рабочих халатах и косынках, весело переговариваясь, выставляли на поддон готовые изделия. Мягко «отфыркивались» прессы, пахло горячей пластмассой. На это техногенное вторжение в

ландшафт нашей тихой улицы мы тогда не сердились. У многих близкие работали на заводах «Вибратор», «Пирометр», «Полиграфмаш», содержали семьи, укрепляли страну.

В соседнем бывшем доходном доме с элементами «былого благородства» на фасаде жили несколько ребят из нашей школы. Одноклассник с родителями и старшей сестрой занимали комнату, тоже коммуналки, на первом этаже с окнами на улицу Рентгена и школу на противоположной стороне. В этой школе в ту пору организовывали избирательный участок для нашего микрорайона. На выборы старшие всегда брали нас с собой, и там обязательно покупалась какая-нибудь недорогая детская книжка, например, «Сказка о золотом петушке» Пушкина или с рассказами о животных и иллюстрациями Чарушина, который, как оказалось, тоже одно время жил в этом доме. Отец школяра работал поваром в кулинарии на Большом проспекте. Она размещалась в полуподвале, по диагонали напротив кинотеатра «Молния». Помните такой продукт, как отварная курица? А куда девался бульон? Правильно, приятель с двухлитровым алюминиевым бидончиком, иногда по просьбе родителей, приходил туда «заправиться» – не пропадать же добру!

К сожалению, было на нашей улице и одно неприятное место, «серая зона». Нежилое здание, которое мы старались обходить по противоположной стороне улицы. Тогда там располагался виварий с подопытными собаками. Они сутками безнадежно скулили и заходились в хриплом лае. Это место представлялось нам прибежищем тёмных сил, будто пыточный застеноч.

Наша улица в те годы не имела сквозного проезда транспорта, да и машин было мало. Поэтому многие прямо на улице обучались езде на велосипедах, роликах, а кто-то позже и на мотоциклах. Из общественных заведений была сберкасса в доме № 6 да небольшой гастроном на углу улицы Л. Толстого. Он запомнился тем, что в самые проблемные 90-е годы в нём иногда можно было купить хорошей ветчины. И тогда это казалось просто чудом.

Рассказывая о своей Лицейской, было бы логично поддержать планку пафоса, как «счастья проживания» на родной улице... Однако её название именем Рентгена оказалось, к сожалению, не случайным и таило опасные неприятности. Во дворе дома № 2 в 70-е годы внезапно возникло глухое ограждение, закипели какие-то земляные работы. Рабочие пояснили, что проводилась выемка радиоактивных материалов и дезактивация грунта. Сюда, тогда на послевоенном пустыре, незадачливые сотрудники РИАН предположительно закапывали и выливали отходы проводимых экспериментов. А почти 20 лет здесь жили люди, играли дети. Вспомнилась и бетонная плита, возможно, могильника отходов на территории института Рентгена. Мальчишками мы беспрепятственно лазали через их забор и в мусорных баках отыскивали пластины свинцовой защиты для использования в своих рыболовных снастях. Экраны же тогдашних домашних телевизоров чутко реагировали внезапной мелкой рябью на включение циклотрона – гордости института той поры. Одним словом, прожили долгие годы на нашей Лицейской, почти как «сталкеры» у Стругацких. И то, что многие до сих пор вроде как в здравии, уже немало.

Пару слов о названии улицы и памятнике Рентгену. Современное название присвоено в 23-м году, в том числе и «в связи с расположением в доме № 1 Радиевого института (РИАН)». А ведь радием и радионуклидами тогда занимались прежде всего супруги Кюри. Но оказались французами, а Резерфорд, «как назло», англичанином. Зачем тогда «категорически» понадобился немец? Похоже, это был политический реверанс, один из сюжетов той политики, что оказалась недалековидной и катастрофически ошибочной. Конечно, сам Рентген не виноват, и его бронзовая голова «сумрачного гения» бесстрастно взирает на нас и сегодня. В одноименном рассказе о нашей улице, написанном в блокадном городе в 1942 году поэтессой Верой Инбер, как оказалось, племянницей Льва Троцкого, Вильгельм Конрад вообще «наш» парень. И даже пустивший символическую слезу из тающего на его бронзовой голове мартовского снега по

убитым тут вражеским снарядам нескольким блокадным мальчишкам. Они собирали неподалёку щепки для обогрева жилищ. Но понятно, что написать иначе тогда было невозможно.

Нашлось у Веры Михайловны и неплохое стихотворение, которое напомнило одну памятную лирическую тему нашей улицы из жизни моего школьного товарища и соседа по дому. Вот оно:

*Уехал друг. Ещё в окне закат,
Что нам пылал, не потускнел нисмало,
А в воздухе пустом уже звенят
Воспоминаний медленные жала.
Уехавшего комната полна
Его движеньями и тишиною,
И кажется, когда взойдёт луна,
Она найдёт его со мною.*

Мысленно адресую эти строки избраннице друга тех школьных лет. В позднесталинском доме № 11, стоящем в углублении, рядом со стоматологической поликлиникой, жили две симпатичные девчонки из нашей школы. В одну из них товарищ был, похоже, не на шутку влюблён. Эти юношеские годы их дружбы, трогательного взаимного кружения и сближения я наблюдал со стороны. Помню его счастливые сборы на встречу с ней, на другой конец нашей улицы, сквозь волшебное благоухание в мае куртины персидской сирени за оградой института Рентгена. Древние кельты, знатоки растительного мира, считали, что аромат сирени переносит нас в неземной мир, обитаемый богами. Помните романс Рахманинова «Сирень»:

*...в жизни счастье одно
мне найти суждено,
и то счастье в сирени живет...*

Они были моложе на пару лет, и что произошло уже без нас, выпорхнувших из школы во взрослую жизнь, я не узнал. Вероятно, их пути по какой-то причине драматично, а может, и легкомысленно разошлись. Разумеется, со временем образовалась новая жизнь, «как у всех». Но друг, похоже, тихо безутешно затосковал, и зеленый змий, частый соучастник подобных невидимых драм, долго не церемонясь, поставил точку в этом жизненном тупике.

Что нужно человеку в жизни, что составляет его счастье и что это за субстанция? Это, наверное, состояние, как опять у Рахманинова в другом романсе:

*...здесь нет людей... (конечно, чужих)
здесь тишина...
здесь только Бог и я ...*

Вот и не гневите Бога – «с любимыми не расставайтесь».

*«...Ведь не весна навеки исчезает,
а сам навек уходишь от весны...»
Евг. Курдаков*

Тем более если всё это случается на своей родной и дорогой улице детства.

2.2. ОБИТЕЛЬ

Этот дом на углу Кировского проспекта и улицы Рентгена был одним из основных «поставщиков» школяров-александровцев. Только в одном нашем классе их было семь. А ещё кто-то постарше или младше на год-два. У многих старшие братья и сёстры давно отучились в нашей школе, оставив о себе память в виде золотой строчки на мраморной доске выпускников-медалистов. Дом построен в 52-м, 80 квартир, но семей было больше, ведь часть квартир – коммуналки. Дом преподавателей вузов города, «профессорский». Вспоминаю литературный опыт описания истории городских домов и их обитателей: «Дом на набережной» Ю. Трифонова, «Дома, события, люди» архивиста Л. Секретарь, «Потерянный дом, или Разговоры с милордом» А. Житинского. Милорд – это Лоуренс Стерн, английский писатель начала 18 века, основоположник европейского романа как жанра. В той книге он вымышленный собеседник автора, удивлённо наблюдающий наш город 70-х и задающий каверзные вопросы. Мне же придётся задавать такие вопросы и отвечать на них самому.

В каком-то смысле наш дом тоже стоит на набережной, только реки времени – детства и молодости школяров. По счастью, он из-за своего «юного» возраста не стал свидетелем «Петроградского погрома» 1917 года, из которого чудом вырвалась одна из моих бабушек со старшей сестрой – а «все-то» дочери мастера с мебельной фабрики Мельцеров, не узнал ужаса репрессий 30-х, не впитал в свои стены муки умирающих блокадников. Его не задело даже одно из последних – кровавое «Ленинградское дело». Аура дома была девственно чиста, да и в обществе подул свежий ветер надежд. Мы, подростки, это ощущали по поведению взрослых, по их теплеющей открытости, доброжелательности, приветливости. Они, похоже, сами радовались как дети этой неожиданной возможности наконец вздохнуть и полностью посвятить себя любимой работе, не опасаясь за себя и близких. Нам, детям и подросткам, они великодушно прощали все шалости, заботливо присматривая, и не только за своим чадом.

Наш дом был построен для уважаемых специалистов того времени и обеспечивал жильцов максимальным комфортом для работы и отдыха. Имелись встроенные просторные гаражи для личного транспорта, тогда это немногочисленные «Победы» и затем «Волги» ГАЗ-21. На каждой кухне мусоропровод. Двор с двумя зонами озеленения, садовыми скамьями и детской песочницей. Эти зоны ограждались подстриженными кустами молодой акации, на газонах были высажены липы, по периметру – цветники. Двор большой, светлый, замыкался крыльями дома, высокой трансформаторной будкой и стильным забором с калиткой в сквер. На ночь калитка и ворота запирались, их по звонку открывал дежурный дворник.

Эксплуатацией дома руководил комендант, он же позднее – домоуправ, Александр Филиппович. Инвалид без руки, АФ с семьёй жил в одной из квартир. О доме он знал всё, проблемы решались на «дальних подступах». В его штате были три дворника, два кочегара, сантехник, два лифтёра и уборщица. Остальные помощники приглашались при необходимости. Автономная кочегарка-котельная находилась в полуподвале дома со стороны сквера. Топили углём, его привозили мощные «татры» на специально выгороженную часть двора. Годами лежал и «стратегический» запас – штабель обычных дров, место мальчишеских баталий. Проживание в этом доме во многом было похоже на декларируемый тогда «коммунизм». Двор и лестницы к восьми утра всегда были убраны, летом асфальт полит из шланга, газон ухожен. Лифтёры круглосуточно посменно дежурили и оперативно вызволяли застрявших. Весной красились крыша и ворота гаражей. Двери парадных, деревянные стенки лифтов и поручни перил покрывались свежим лаком. Зимой снег с крыши убирали умело – сразу после снегопада деревянными лопатами, не допуская его слеживания и превращения в лёд, ломami поэтому не пользовались и кровлю не портили. Водопроводчик дома – старый эстонец с бритой головой – тоже жил в нашем доме. Он приходил по первой просьбе, причём хоть и в старом, но пиджаке и при галстукe. Всегда имел сменную обувь, инструменты в потёртом кожаном портфеле. И работал он как настоящий профессор. После образования ЖЭКов (оптимизация тех лет) дом сразу

почувствовал непрофессионализм и заброшенность безразличия, впрочем, наверное, как другие дома.

А из Эстонии тогда раз в месяц во двор заезжал крестьянский потрёпанный грузовик. В нём очень бедно одетые с натруженными руками женщины привозили для продажи молочные продукты, овощи, мёд и вязаные шерстяные вещи. Раз в пару дней во двор навевывалась и выездная торговля ближайших магазинов. Из молочного продавщица Фаня на тележке с грохочущими колёсиками-подшипниками привозила бутылки молока, сливок и кефира. Из соседней булочной подобным образом прибывали солёные батоны, хала, хлеб и булочки под заказ. Всё это было, естественно, с небольшой наценкой.

Дом и его двор были местом наших игр и проказ, любили ходить и на чердак. Там хозяйки обычно сушили настиранное бельё. Старшие брали гитару, покурить: вначале сушёные кленовые листья, а потом и сигареты. Вечерами в праздники, раздобыв бутылочку портвейна, с крыши наблюдали салют, город оттуда казался необычным, почти незнакомым. Двор и дом мы ощущали своими, потому без приглашений радостно принимали участие в совместных уборках снега после снегопадов. Весной за выходной день очищали двор ото льда, сбрасывая его куски в люки ливнёвки, решётки которых специально для этого снимались дворниками. Они же обеспечивали нас лопатами и ломом для работы.

На чердаке трансформаторной будки возникла стихийная голубятня, этих птиц расплодилось в городе немерено после Московского фестиваля молодёжи и студентов 1957 года. Тогдашние политические дизайнеры голубями, как птицей мира, решили недорого оформить тот международный праздник. Что-то надо было делать, ведь памятники города и здания приходили в негодность. Как-то, увидев у нас пневматику, комендант попросил пострелять этих уже «отработавших» мероприятие птиц. Но после первого упавшего к нашим ногам окровавленного голубя мы поняли свою ошибку и «отомстили» старшему «товарищу». Подкинули в его кабинет на первом этаже несколько живых птиц и плотно прикрыли дверь. За битвой с мечущимися по замкнутому объёму испуганными голубями наблюдали через окна лестниц подъездов. Жаловаться на нас взрослым АФ тогда не стал, видимо, суть понял.

Теперь об именитых обитателях дома. Жили два ректора – Политехнического и Горного, три академика, два членкора, профессоров и доцентов не счесть. Были и военные, весьма пожилые, уважаемые ветераны ВОВ: начальник артиллерийского училища; контр-адмирал Ванифатьев и генерал-полковник М.П. Константинов – Герой Советского Союза, бывший будёновец-кавалерист и даже участник Белорусского партизанского движения. Его привозил домой чёрный лакированный ЗИМ, так же до зеркального блеска всегда были начищены и генеральские сапоги. Водитель-адъютант помогал «шефу» дойти до лифта, и если мы оказывались рядом, генерал всегда радостно поднимался вместе с нами, успев расспросить об учёбе, наших играх, потрепать по голове. Дома храню подаренную тогда Михаилом Петровичем с его надписью книгу о том драматичном начале войны, когда он, кавалерист, с простреленными ногами оказался за линией фронта в белорусских лесах и чудом добрался до местных партизан.

Рабочие дни тогдашних профессоров, для справки, длились 10—12 часов, без выходных и праздников. В основном до вузов они прошли стройки, геологические экспедиции, крупные производства, лаборатории, проектные институты и КБ. Их трудами обнаружены месторождения полезных ископаемых, разработаны теории машин и методы расчёта конструкций, исследован неизвестный ранее растительный и животный мир, построены электростанции, написаны фундаментальные учебники для подготовки инженеров и специалистов. Дома они воспитывали нас видом своего зада на рабочем стуле за письменным столом, другого времени было не много. Многие из них побывали тогда в Китае, оказывая научную и методическую помощь. Почему-то все привозили оттуда одинаковый вручную изготовленный сувенир – четверо покрытых лаком тараканов азартно играют в карты за столом. Конечно, и что-то другое. К сожалению, десятилетие хунвейбинов во многом обнулило тот труд, надолго сдержало раз-

витие их страны. Поэтому каждый раз, услышав о желающих и у нас «пошагать вместе», мысленно сплёвываю через плечо – не дай Бог.

Мужчины нашего дома, зная друг друга, общались сдержанно, соблюдая дистанцию. Для решения личных вопросов фамиллярно «по-соседски» не обращались. Конфликтов тоже не было, за редким исключением коммуналок, в которых иногда проживали по две профессорские семьи. Женщины же были более открыты и общительны, ходили друг к другу в гости, приглашали домой приятелей своих детей, часто занимали по очереди небольшие суммы денег на отдых, покупаемое ребенку пианино, какую-то мебель. Они знали каждого из нас, бабушки ещё сидели на дворовых скамьях, воспитывали советами и назиданиями, девушкам желали «женихов хороших и пятёрок в сессию».

В доме до сих пор существует детский сад, в который некоторые из наших школяров ходили. На первом этаже дома со стороны проспекта был большой обувной магазин, нас же, мальчишек, больше интересовало его крыльцо во дворе, куда привозили ящики с обувью. После распаковки эти ящики какое-то время лежали рядом с крыльцом, и мы могли для своих столярных поделок изъять из них несколько досочек, иногда и из редкого бука.

С годами обитатели дома менялись, появлялись новые. В квартире, где когда-то в 60-х жила семья индонезийского дипломата, а его дети учили нас незнакомой в ту пору игре в бадминтон с воланами из натуральных перьев, поселился солист оперы тогда Кировского театра – бас В.М. Морозов («Петр I», «Маяковский» и др.). На пятом этаже после ремонта в квартиру въехал шахматист М.Е. Тайманов с очередной женой.

Ныне в доме живут новые люди, тоже по-своему «уважаемые». Надстроили мансарду, сквер во дворе, конечно, уничтожен, всё заасфальтировано под парковочные места главных членов их семей – автомобилей.

Мы любили свой дом и его двор, радостно возвращались сюда из школы, потом из института, с работы, из командировок, из армии, с летнего отдыха. Мы выросли здесь, тут прошли юность и молодость, здесь родились наши дети. Тут мы простились с нашими дедами, кто-то потом и с родителями. Мы и близкие обитали в этом доме долгие годы, а он всё это время был, безусловно, нашей Обителью.

Завершая этот в чём-то немного грустный очерк, не могу не вспомнить самые пронзительные и памятные эпизоды той поры. На западной притенённой части дворового сквера когда-то для симметрии «воткнули» два прутика черемухи. Росли они быстро, превратились в деревья, сильно вытянутые вверх к скупым лучам солнца. В течение года в тёплое время они по этой причине болели, на листьях появлялись красные бугристые пятна и тля. Но каждый раз в начале мая происходило чудо. Чудо «нежного содрогания», извержение белоснежного пенного восторга. Волшебный запах черемухового цветения заполнял двор, проникал в открытые форточки и окна. Дом на эти пару дней затихал в какой-то истоме. Это был аромат первого судьбоносного слияния, аромат короткой сладостной вспышки, что способна зажечь костер, согревающий тебя до конца жизни.

*В легких сандалиях
Ты прибежала ко мне
После ночного дождя.
Шёпот слов сладких,
Небрежно откинуты пряди со лба,
Жемчужные серьги дрожат.
И сердце вот-вот разорвётся...*

Запах черемухового цветения пронизан юностью, первыми ростками взрослого счастья, «нитями» малой родины. Наверное, у кого-то эту роль играли другие ароматы. У Рахманинова

это была сирень, ветви которой скрывали его первые свидания с Верочкой Скалон. У кого-то «таяние» души наступает в пору цветения жасмина. Но, уверен, нет ничего пронзительнее сладостно-горьковатого аромата черёмухи – он являет собой кратковременную вспышку таинства Весны Священной.

2.3. «В КРУГУ ДРУЗЕЙ И МУЗ». СКВЕР НА КАМЕННООСТРОВСКОМ

Так называлась небольшая книжка о Приютинской усадьбе Олениных под Петербургом, где любили бывать и приятельски «поэтически балагурить» Пушкин, Гнедич, Крылов и многие выпускники ещё Царскосельского лицея тех лет. Решился под шапкой этого заголовка изложить разрозненные воспоминания о вольном игровом общении на прогулках наших школяров из ближайших домов по улице Рентгена и на Кировском проспекте. А местом роения этого уличного круга, его Гайд-парком или Масляным лугом был, безусловно, наш сад на Кировском между домами 25 и 27. Ныне это сквер Низами с установленным одноимённым памятником. И, сохраняя безусловное уважение к этому средневековому деятелю персидской словесности, праведнику и поборнику моногамии, пытаюсь представить, в какой части Гянджи был бы установлен, полученный подобным образом в дар, например, памятник гусяру и сказителю Садко – современнику и в каком-то смысле коллеге Низами по поэтическому жанру? Неужели тоже на одном из центральных проспектов их культурной столицы? Для обывателя Петроградской, школяра тех лет, ныне выгуливающего в нашем саду внуков, фигура Низами имеет отношение к истории и духовной жизни Петербурга, этого конкретного сквера, да и к их жизни не более чем Старик Хоттабыч или Ходжа Насреддин. Почему бы тогда не Омар Хайям? Пусть и такой же «марсианин» на этом месте, тоже писавший на фарси. Хотя, оказалось, по нашему поводу – следующее:

*Как часто, в жизни ошибаясь,
Теряем тех, кем дорожим.
Чужим понравиться стараясь,
Порой от ближнего бежим.
Возносим тех, кто нас не стоит, а
Самых верных предаём.
Кто нас так любит, обижаем, и
Сами извинений ждём...*

В общем, заглядывая в наш сад с Каменноостровского проспекта, сегодня, в переводе на язык ощущений, понимаешь – теперь и это, ну... не совсем наше. Ещё один сюжет превращения «нашего» в «не совсем наше» за последние десятилетия Петроградской школьного детства и юности.

Тот наш сад с просторной спортивной площадкой возник в 50-е на послеблокадном пустыре, и даже в 60-х на его территории в толще грунта обнаружилась авиационная бомба. Обширные площади газонов пересекались дорожками из укатанной гранитной крошки. Одну из них, ведущую к улице Л. Толстого, можно было бы назвать и аллеей. Её с двух сторон обступали старые высокие тополя, в ветвях которых весной по-свойски гнездились грачи. У главного входа с Кировского в тёплое время года встречал внушительный цветник, обрамлённый гранитным бордюром и окружённый каштанами и липами. Его сложная цветочная композиция в течение сезона обновлялась, но неизменно сладко пахло резедой. Куртины разросшихся кустов сирени, жасмина и шиповника создавали естественное зонирование сада, выгораживая в нём уголки «по интересам». В их зарослях мы проделывали ходы, таинственно скрывавшие нас от посторонних. В сентябре из побегов жасмина изготавливали «шпаги» для мушкетёрских

дуэлей, их сердцевина была мягкой, и травм в «поединках» не возникало. Осенью поспевали плоды барбариса цвета киновари, они вязали и кислили язык. Мы рассовывали по карманам белые бусины снежнотодника а, высыпав горсть этих «жемчужин» на дорожку, с наслаждением прихлопывали ногой, радуясь звукам лопающихся шариков.

Самым притягательным местом в саду была для нас спортивная площадка, обтянутая по периметру сеткой-рабицей. Зимой там заливались каток и устанавливаемая к морозам катальная горка. Ну а в тёплое время, конечно, гоняли в футбол. Наши школяры из близ расположенных домов проводили тут с приятелями часы, а взрослые могли здесь без проблем отыскать своего загулявшего сорванца и отправить домой, садиться за уроки. Иногда мы, правда, отлучались в подвальчик тира на улице Л. Толстого либо на территорию 1-го Меда, а иногда, озоруя, бегали к трамвайным путям и в углубление рельса выкладывали монеты, обычно пятак, а то и капсюли к охотничьим патронам, продаваемым в спортивном на Большом. Несложно сообразить, что случалось, к восторгу мальчишек, при прокатывании по ним стальных колёс очередного трамвая. Девочки играли в саду обычно где-то рядом, и мы краем глаза следили за их реакцией на наши проделки.

Об одном явлении той поры расскажу подробнее. Речь пойдёт о своеобразном футбольном шорт-треке. На небольшой части нашей площадки, а осенью даже на уже пожелтом травяном газоне, взрослые заводские парни из соседских домов вечером после тяжёлого рабочего дня устраивали мини-футбол «под скамеечку» на деньги. Воротами служили обычные садовые скамьи. Играли 3 на 3 без вратарей. Нас, наблюдавших это действо юных футболистов и, конечно, уже болельщиков того настоящего, своего «Зенита», это зрелище завораживало. Невероятная подвижность на грани акробатического эквilibра, потрясающая «цирковая» техника дриблинга – владения мячом. Мы тогда этот навык называли умением финтить или «мотаться». Попастъ под низкую скамейку было невероятно сложно. Такие удары, осуществляемые оттянутым подъёмом стопы в нижний угол ворот, для вратаря на настоящем футбольном поле трудны и опасны. Иногда для комплектности кого-то из нас приглашали поиграть в одной из таких команд. Конечно, без финансовых обременений. Кроме этого мастер-класса владения мячом мы познакомились тут и даже очаровались столь же виртуозным русским «трёхэтажным», весьма полезно и органично сопровождавшим ту азартную мужскую борьбу. Этот филологический навык, который, будучи в заключении на Соловках, изучал даже академик Дм. Лихачёв, позволил впоследствии легко утверждать свой «авторитет» в различных компаниях сверстников. В пионерском лагере владение мячом, приправленное «острым» словом, не потребовало лампы Аладдина, чтобы стать своим в новом коллективе подростков.

Какие ещё навыки шли в актив школяра? Конечно, игра на гитаре, прочие спортивные умения: ловкая игра в бадминтон, пинг-понг, а также карты и фокусы. Но главное – это устный жанр, умение интересно рассказывать, знание анекдотов и баек, чувство юмора, вернее, способность его импровизационно генерировать.

Взрослым это тоже не мешало, а бывало и спасительно. Вспомним историю писателя Роберта Штильмарка, советского боевого офицера, фронтовика-орденоносца, попавшего уже в 45-м по доносу в колонию с уголовниками, конечно, для «перевоспитания». Его там, подобно Шахерезаде, выручил талант рассказчика и фантазёра. А все наговоренные истории легли впоследствии в основу его знаменитого приключенческого романа-бестселлера «Наследник из Калькутты».

Кто-то спросит: а при чём тут заявленные музы? Немного отвлекаясь, поясним. За спорт и подвижные игры спасибо Терпсихоре (танцы) и Полигимнии (пантомима). А за наш мир устных творений – Талии (комедии), Каллиоппе (эпической поэзии), Мельпомене (трагедии), Клио (истории) и, конечно, Эрато (любовной поэзии). Матери же этих замечательных сестёр-муз Мнемозине, «дежурной по стране» нашей памяти, мы обязаны и возможностью написания этих строк.

Каждое лето, кто где, мы, как губка, обогащались историями о «чёрной комнате», анекдотами про учительницу и Вовочку, нашего неунывающего чукчу, Василия Ивановича, забытые носки которого до сих пор стоят за печкой, от «Армянского радио» и про тётю Соню. Осваивали песни про тигров, которые «каждую пятницу кого-то жуют под бананом», про чемоданчик, что лежал на полочке и был ничей. И, вернувшись в город, встречаясь в нашем саду – приюте друзей и муз, мы, словно мошкара, роящаяся в лучах осеннего вечернего солнца, устраивали дружеские по-своему интеллектуальные «сессии» по обмену этим драгоценным контентом. Такое общение было каким-то недостающим в школе, но очень важным предметом нашего взросления. Появлялись вопросы: почему одно и то же у кого-то получалось смешно, а у другого нет; в чем вообще секрет смешного? Почему владение этим умением смешить так притягивает и повышает авторитет в кругу школяров, а главное – у девочек? Почему-то им нравились подобные остряки. Сколько их потом угасло от приятельства с зелёным змием! Связано ли это как-то между собой? Может, человек с чувством юмора более тонко устроен и потому раним? Правда, замечали, что «остроумие», как нарочно, куда-то девалось при общении с теми, к кому был равнодушен и кому хотелось понравиться. Несли такую «пургу», что даже сейчас стыдно.

Кроме нашего подросткового «народного» юмористического фольклора мы впитывали и по-школьному трансформировали «официальный» эстрадный юмор той поры. Вспомню скетчи, исполняемые Лившицем и Левенбуком, Тарапунькой и Штепселем, Карцевым и Ильченко, конечно, Аркадием Райкиным. Допевали свои последние куплеты под крошечную гармошку-концертино Рудаков и Нечаев, дуэт куплетистов «Ярославские ребята». Без внутренней критики, на ура воспринимали и шутки из кинокомедий «Весёлые ребята», «Пёс Барбос», «Операция Ы», «Полосатый рейс», даже из «Питкина». На первых же переменах делились запомнившимся из радиопередач нашего детства – воскресного «Доброго утра» и «Опять двадцать пять».

Но время не остановишь, и мы, школяры той далёкой поры, ныне уже ветераны, а многие и совсем «далече». С грустью можно лишь сожалеть о том живом, чутком и отзывчивом нашем подростковом мировосприятии. Сегодня же, нацепив очки, вяло постим в «Одноклассниках» и «ВКонтакте» чужие сентенции и фотографии, кулинарные рецепты, а то и просто «казённые» открытки с банальными пожеланиями. Мы стали скупы и немногословны в комментариях, а часто обходимся и без них, будто исподлобья, обиженно и настороженно наблюдая за происходящим. А ведь

*...чем дальше живем мы, тем годы короче,
тем слаще друзей голоса...*

Конечно, живые, человечьи, тёплые голоса. Неужели так быстро наступила «осень патриархов» – дорогих так незаметно уже состарившихся однокашников нашей незабвенной школы? С грустью вспомним неунывающего Ходжу Насреддина, любившего поддержать добрых людей, восклицавшего: «Да продлит Господь (Аллах) ваши дни!» Примем в дар это пожелание и будем здоровы.

Старые люди любят подарки, но уже не как дети, им важнее внимание, уважение их культурного кода и ценностных представлений. Вернусь к памятнику в нашем саду. «Википедия» сообщает, что сама скульптура – это подарок городу к его 300-летию юбилею. Но установка-то именно в нашем сквере – это, видимо, уже «переподарок» нам, жителям Петроградской (или кому-то ещё?). В быту подобные неуместные (неудачные по месту расположения или не тому адресованные) подарки обычно хранят в неразвёрнутом виде для последующего передаривания при случае. А ведь он был бы на своём месте у заведения, обучающего фарси,

допустим, восточного факультета университета. Здесь же, в нашем сквере, вместо медового аромата цветника стало подозрительно пахнуть чьим-то нефтедолларовым алаверды.

А к минувшему 300-летию Питера прежде всего хотелось бы восстановления изумительного памятника Михаила Шемякина «Первостроителям Петербурга» у Сампсониевского собора, позорно и ныне стоящего разгромленным уже при трёх губернаторах города. На Большой Монетной у дворца Горчаковых вместо случайно и неуместно там оказавшегося бюста Петра, доставшегося после вандализма у одноимённого стадиона, конечно, должен находиться Александр Михайлович Горчаков, выдающийся дипломат и настоящий «железный» канцлер России, однокашник Пушкина из первого выпуска Царскосельского лицея – предтечи нашего. Ну а в любимом сквере на Каменноостровском видится как по-свойски, а главное по праву вернётся в родные пенаты уже как памятник выдающийся выпускник «нашего» Лицея Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин, наверняка гулявший по этим местам в свои ученические годы. Забыт он, кажется, основательно, а может, его «Город Глупов» и сегодня кого-то настораживает, ассоциируясь с современными реалиями? Будем с надеждой ждать следующих подарков уже, наверное, к 350-летию города, в 2053 году. Как бы дотянуть? Вот погуляем.

3. ALMA MATER НА КАМЕННООСТРОВСКОМ ПРОСПЕКТЕ

3.1. ШКОЛА

*Мой друг, я искренно жалею
того, кто, в тайной слепоте,
пройдя всю длинную аллею,
не смог приметить на листе
сеть изумительную жилок,
и точки желтых бугорков,
и след зазубренный от пилки
голуборогих червяков.
Вл. Набоков*

Важнейшей частью «саги» о школьных годах советских александровцев являются воспоминания о нашей школе, alma mater – благотельной матери-кормилице в переводе с латыни. Ей она и была для нас. Вспомним её как комплекс зданий и как социальный организм с регулярно, на 1/10 часть в год, обновляющимся коллективом учащихся и, ох как неспешно, ревниво дрейфующим преподавательским корпусом.

Что касается замечательных архитектурных достоинств и дореволюционной истории Александровского лицея – это всё сегодня присутствует в Интернете, издана монография, стали доступны фотографии лицеистов и преподавателей той поры, известны фамилии выпускников всех лет, описаны блестящие карьеры наиболее выдающихся. Особо драматичные страницы – это судьбы выпускников 1917 года, закрытие Лицея и «зачистка» всех и всего, что связано с ним, вплоть до завершающего разгром в 1925 году «Дела лицеистов».

Мы же, школяры 60-х, застали помещения бывшего лицея, как в чеховском «Вишневом саду», уже «нарезанным» на три обычные советские школы. Кроме нас, двумя этажами выше, – 68-я, а с торца и вечерняя. Флигель в парке, бывший дом директора Лицея, стал общежитием для некоторых учителей и сотрудников (ныне консульство). Второй флигель, со стороны тогда улицы Скороходова, использовался под слесарные мастерские. Слева, в бывшем корпусе воспитателей Лицея, разместился Радиевый институт (РИАН), работавший тут в густонаселённом районе города с опасными радионуклидами и излучателями, со смертельным содержанием «мусорных» баков в своём дворе, легкодоступным любознательным пронырам-школярам.

Основатель института и гениальный пророк ноосферы – сферы космического разума – Владимир Иванович Вернадский трижды бы перевернулся в могиле, узнав о причине гибели одного из наших мальчишек. Сзади, со стороны пристроенного актового зала, поступательно отвоёвывавшая часть бывшего лицейского парка, вплотную приближались корпуса завода «Пирометр». Как такое соседство могло сложиться и каковы действия руководства школы – это вопрос № 1.

Тем не менее наш сад (остатки лицейского парка) со стороны Каменноостровского проспекта, благородство архитектуры и интерьеров (вернее, тогда их остатков) основного корпуса бывшего Лицея производили впечатление и настраивали школяров на серьёзный и даже возвышенный лад. Узоры лепнины стен и фриз, кованая решётка лестницы, её уже подостёртые ступени из пудожского доломита, чудом сохранившиеся парадные зеркала с тусклой позолотой рам были отголосками родства этого Лицея ещё со своим предтечей – Царскосельским, пушкинским. А «вишенкой на торте» для нас был, безусловно, объёмный двухметровый бронзовый бюст поэта, стоящий в просторном вестибюле первого этажа. Поэтому, подписывая каждый раз свою новую тетрадку, строку «школа № 69 имени А.С. Пушкина» мы выводили особо старательно. А касаясь ладошкой его прохладного, с зеркальной патиной бюста, уже не боялись очередного сочинения или контрольной. Этот бюст исчез в 90-е, как и каменные старинные плиты дорожки к крыльцу Лицея. Где они и почему исчезли – вопрос № 2.

Наша школа долгие годы была живой и успешной. В старомодном, чопорном, как и сам директор, его кабинете блистали в витринах спортивные кубки и медали, впечатлял веер победных грамот – свидетельств различных школьных успехов и достижений. На одной из стен актового зала висели мраморные доски с выбитыми золотом фамилиями выпускников-медалистов. На высшем уровне были обустроены кабинеты физики, химии и биологии. Ещё даже с дореволюционными приборами, штативами и прочим почти музейным оборудованием. А, сидя под портретом А.С. Попова, работая с подобным раритетным амперметром, казалось, что и ты на пороге открытия, допустим, неизвестных ещё науке радиоволн. Конечно, что-то и пополнило приборное «богатство» кабинетов в послевоенное время, например, уже советские микроскопы для изучения растительных клеток (обычно препаратов репчатого лука). Эти кабинеты также были «серьёзно» оборудованы специальными боксами-вытяжками, имели лаборантские помещения.

В классе музыкальных занятий (пения) и на сцене актового зала стояли кабинетные рояли, может, «Ратке», «Беккер» или «Мюльбах» производства петербургских дореволюционных фабрик. Правда, настройщиков мы не видели ни разу. Предмет «пение» не требовал особых усилий. Начинали с разучивания «У дороги чибис» и, уже первоклассниками, приближались к печальной догадке, что естественное желание ребёнка петь после таких уроков пропадёт навсегда. Во многом так и случилось. А пик абсурда пришёлся на седьмой класс с «изучением» педагогического «хита» Дм. Кабалевского «Петя и волк» на музыку С. Прокофьева. Либретто – надуманная «манная каша», а музыка пусть и упрощённый парафраз своего же балета «Ромео и Джульетта», но всё равно не для уха подростка. Респект лишь, спасительно подоспевшим в те годы, Битлам. Сегодня почти в любой стране, наблюдая умение и желание танцевать уже с детских лет свои народные «хоро» и «зикр», знание и исполнение в любой компании «базовых» народных песен, с горечью осознаёшь себя обделённым и даже будто за что-то наказанным. Может, они для нас были кем-то запрещены? И как насмешка воспринимается традиционное исполнение музыкантами любого зарубежного ресторанчика «русской песни для русских друзей...», чего-нибудь вроде «Миллион алых роз». Такими мы видимся со стороны, да и сами другого почти не знаем и не поём. «Спасибо» школьным урокам пения, да и «ритмики» – так стыдливо называли тогда факультативные платные занятия танцами (которым также толком не научили).

Коридоры школы идеологически выверенно были украшены портретами «правильных» писателей и учёных. В директорском на первом этаже – Пушкин работы Кипренского, Лермонтов в красном гусарском ментике, Горький, Менделеев, Лев Толстой...

Школьные полы из старого изношенного паркета были десятилетиями затёрты грязными подошвами и закрашивались вишнёвой мастикой только перед новогодними праздниками. «Сменки» от нас не требовали, будто продолжая традицию «ритуального» поправления уличной обувью «трудящихся» полов пусть и бывшего, но когда-то императорского присутствия.

Широкие сквозные коридоры были местом прогулок на переменах. Девочки вышагивали, взявшись под руки, по двое, трое, вроде танца конькобежцев. Парни чаще подпирали стены, краем глаза высматривая ту, к которой по непонятной пока причине влекло, её хотелось всё время видеть, вбирая образ пока подростковой, но уже угадываемой грации. Нередко случались и потасовки прямо посреди гуляющих. А тот, кто оказывался выставленным во время урока за дверь, в этом вынужденном одиночестве с удивлением обнаруживал незнакомую, незримо проступающую величественную «лицейскость» коридоров, казалось, вроде уже знакомых и обжитых учениками советской школы.

Туалеты были вполне приличными, кабинки, правда, без дверей. Строго «по-казённому» пахло хозяйственным мылом, мочалом стоящих в углу швабр и рогожей просыхающих на краях вёдер половых тряпок. В торцах коридоров у окон постоянно струились питьевые фонтанчики.

Столовая располагалась в цокольном этаже со сводчатыми потолками, пол – из мелких кафельных плиток, местами утраченных, заменённых типовыми бежевыми, другого размера. В воздухе всегда витал аромат ванили и корицы выпекаемых булочек.

Огромный актовый зал со сценой при необходимости вмещал всех пионеров школы. Там устраивались праздничные спектакли, представления и концерты, торжественные линейки и выпускные вечера. Приглашались профессиональные актёры и даже однажды гипнолог-гипнотизёр профессор Павел Буль с сеансом пусть и научной, но почти «магии». Желающих из зала он гипнотизировал на сцене, затем, к всеобщему восторгу, возвращал в сознание. В другой раз актёр-чтец, декламируя со сцены стихи Андрея Вознесенского, старался при этом подражать авторскому исполнению – нараспев интонируя, выстреливал рублеными фразами, ритмически вскидывал руку с зажатой книжечкой стихов и даже слегка нарочито «по-авторски» заикался. Пригласила его Людмила Викторовна Старцева – наш педагог-словесник. И хотя в памяти от этого предмета сохранился, пожалуй, только «четвёртый сон Веры Павловны», суть оказалась в другом – в её деликатных стараниях на уроках «литературными средствами» помочь нам стать приличными людьми, и – о чудо! – ей это, похоже, удалось.

Ученические раздевалки школы были простыми, с прибитыми в рядок к вешалкам силузиновыми крючками. Их мы иногда отдирали, стачивали напильником, такие опилки были нужны для изготовления самодельных бенгальских огней. Из карманов пальто кто-то периодически потаскивал завалившуюся мелочь. Часто путали зимние почти у всех одинаковые шапки. Один раз такая подмена неожиданно закончилась давно забытым неизвестным нам педикулёзом. С ним, к счастью, быстро справилась одна из бабушек, поработавшая в 20-е годы с беспризорниками в детском доме и с тех пор знакомая с этой напастью не понаслышке.

Каким было качество обучения в годы нашего школярства? Несмотря на усилия нескольких ещё волевых, преданных делу и почему-то чаще одиноких педагогов (особенно по математике – Клавдии Петровны Захаровой), в целом оно уже было не выше среднего. Многим школярам пришлось по одному и группами дополнительно заниматься с репетиторами по русскому языку, математике, химии, английскому. Причём в школе никто проблем с отставанием не подмечал, беспокоились только равнодушные близкие. Может, поэтому после восьмого класса некоторые лучшие ученики уходили в специализированные школы: английские, математические. Этим нашей и другим средним школам города был нанесён серьёзный урон, ведь в клас-

сах обычно на лидеров равнялись и за ними тянулись. Да и ничто не мешало способным набираться ума у нас в школе. Вспоминаю, например, Леона Тахтаджана, года на два нас постарше, одного из самых талантливых математиков из выпускников нашей школы. Он после десятого класса поступил на мехмат ЛГУ, там его, ещё студента, пригласил на свой семинар академик Людвиг Фадеев. А уже через год однокурсники, тоже математики, не смогли понять суть их исследований, столь недостижимой была степень абстракции тех логических построений.

В наши школьные годы учительский коллектив школы вместе с директором и завучем в основном состоял из критично-великовозрастных педагогов. Они неплохо слаженно проработали вместе много лет, теперь же ощущались их усталость и нежелание что-либо менять, а лучшие достижения и креативность, памятные старшим братьям и сёстрам, остались в прошлом. Шёл процесс последней фазы «выгорания» светила, яркой когда-то звезды – нашей альма-матер. Трудились, сколько ещё было можно, обретая, наконец, самую приличную в своей жизни зарплату и оттягивая момент расставания с уже непосильно отяжелевшей педагогической ношей. Дальнейшая судьба школы руководителей не интересовала, бороться за неё никто из них не видел смысла и не стал. Видимо, это одна из причин закрытия нашей незабвенной школы в 1972 году, почти через 60 лет после символически-похожей гибели «Титаника» (капитан которого на этом борту совершал тоже свое предпенсионное плавание), затем перепрофилирования в ПТУ (нынче престижно именуемое «колледжем»). Сначала краснодеревцев, следом экономико-юридическое (что, конечно, для пера Салтыкова-Щедрина). Флигели проданы, соответственно, под консульство и мини-гостиницу, парк настезь распахнут для сквозного прохода. Все происшедшее сродни многоходовому рейдерскому захвату. И как это случилось – вопрос № 3.

Уверен, судьба школы могла не быть столь фатальной. Памятую блестящий опыт школьного директорства на нашей Петроградской Майи Борисовны Пильдес, народного учителя РФ. Придя из Дома пионеров в школьную педагогику и, возглавив рядовую районную восьмилетку № 56 на улице Пудожской нашей Петроградской, через полгода она добилась её статуса 10-летки, а через год вывела в победители конкурса «Школа России». Сегодня это уникальный лучший в городе учебно-развивающий комплекс на нескольких площадках. «Школа Успеха» – их девиз и планка процесса воспитания и обучения. Как говорится, «снимаю шляпу...» С грустью лишь пытаюсь сослагательно представить нашу альма-матер, попади она на излёте в подобные умелые, равнодушные и заботливые руки. Хотя, наверное, главный секрет «успеха» современного школяра – это, родиться с семье газпромовца или вроде того...

Со времён сотворения мира яблоки были символом запретных знаний. Ныне знаний стало столько, что порой хочется просто информационной тишины. Не по этой ли причине стремимся мы в лес или на рыбалку к тихой речке? Да и «запретное» от нужного, полезного порой не отличишь. Лучше, наверное, попробовать всё, а там и определиться. Вот этому в идеале и должна учить школа – уметь «определяться», принимать решения и не прекращать развиваться, «научить» учиться до конца дней. Поэтому школу можно сравнить с яблоней, с неё мы могли ежегодно срывать эти румяные, иногда и с кислинкой, яблочки. Но яблоня требует ухода заботливого умелого садовника. И только радикальная обрезка старых засохших ветвей, и омолаживающие прививки позволяют сохранить сорт, не дать выродиться, превратиться в дичок – лёгкую добычу короедов и тли. И любой руководитель, не имеющий разрушающего корыстного умысла, обязан был этому следовать.

3.2. ВАФЕЛЬНАЯ ТРУБОЧКА ИЗ ШКОЛЬНОГО БУФЕТА

Можно спорить о том, кто чем больше любит: головой или желудком, и что важнее, но к большой перемене первокласснику зверски хотелось есть. Первые пару недель в начале школьной учёбы мы приносили с собой из дома завтраки: бутерброды с сыром или докторской, яблоки, сливы. Запивать было нечем, ели всухомятку прямо за партами, потом – уборка, мытьё

рук. Отпивались позже из фонтанчика в коридоре. А что можно было дать тогда ребёнку с собой? Термос – большой, бьётся, нужен ещё и стакан; бутылки с водой тяжёлые, тогда только стеклянные полулитровые, магазинные все с газом, удобных и герметичных сменных пробок не было.

Но вскоре из нескольких неработающих матерей образовался родительский комитет, и они наладили организованное питание класса в школьной столовой. Каждый сдавал принесённые из дома деньги на 6-дневный абонемент для завтраков из расчёта 16 копеек в день. Для детей из малоимущих семей были общешкольные бесплатные талоны.

И вот мы первый раз организованно спустились на цокольный этаж школы, где находилась столовая. Столы были накрыты заранее назначенными дежурными. Что ели? Обычно салат (нашинкованная капуста с морковью, тёртая морковь со сметаной) или винегрет, мясная, наполовину из булки котлетка, кусочек жареной рыбы с картофельным пюре, макаронами или гречкой. Ну и, конечно, чай или компот из сухофруктов. Да, забыл, обязательно булочка, обычно с изюмом, обсыпанная сахарной пудрой. Неповторимо пахло хлебом той ленинградской выпечки, рецептура которого, уверен, передалась ещё дореволюционными технологами-хлебопёками. А может, весь секрет был в невской воде? Для желающих пообедать – пожалуйста, 26 копеек, и ты «кум королю».

Как-то раз в буфете столовой появились вафельные трубочки, наполненные с обеих концов взбитым белком. Они оказались божественны. Но через пару дней их почему-то не стало. И только случайно, уходя как-то из школы позже обычного, увидел разгружаемый у служебного входа в столовую легковой грузовой пикап с несколькими деревянными поддонами, заполненными этим лакомством. По-видимому, всю данную прелесть привозили так поздно, уже после нашего учебного дня, из райкомовской столовой, находящейся через дорогу, чтобы они не пропали после завершения там «высочайшей» трапезы. А вы помните вкус вафельной сахарной трубочки, запиваемой молоком из картонной пирамидки?! Потом, правда, дома было трудно объяснить: почему задержался, почему не ешь дома суп и на что потрачены полученные на другое деньги.

Не помню, чтобы в нашей столовой кто-то отравился, пожаловался, был чем-то недоволен. Замечательные женщины-повара, всегда в белом, работали бессменно годами. Да, чай был, наверное, с содой, но компот или кофе и какао с молоком «из ведра» – просто супер. А где тогда был вообще хороший чай? За счастье считали раз в пару месяцев случайно «нарваться» в булочной на индийский чай со слонем на пачке. И пили его дома только по праздникам, с приходом близких друзей.

В целом же вкусы и запахи школьной столовой – это веяние тепла родного дома, заботы старших и радости предвкушения большой «взрослой» жизни.

Много лет спустя, оказываясь по разным поводам в школах, я уже в вестибюле осязал эти едва уловимые ароматы, в душе разливалась памятная благодать ученического детства и признательность тем школьным поварам, даже буквально – нашим кормилицам.

3.3. ШКОЛЬНЫЙ (ЛИЦЕЙСКИЙ) ПАРК

*«Нас мало – юных, окрыленных,
не задохнувшихся в пыли,
еще простых, еще влюбленных
в улыбку детскую земли.
Мы только шорох в старых парках,
мы только птицы, мы живем
в очарованьи пятен ярких,
в чередованьи звуковом.»*

Вл. Набоков

У каждого парка своя судьба. Наш парк, вернее, та его часть, что осталась от Лицейского со стороны Каменноостровского (Кировского) проспекта, был неотъемлемой частью школьного комплекса.

Мы же называли его садом. Он представлял собой ограждённую ветшающим чугунным забором территорию со старыми деревьями, газонами и сетью аллей-дорожек из укатанной гранитной крошки. Дальние от школьного крыльца дорожки использовались мало и влажным летом прорастали сорной травой, а местами даже покрывались тёмно-зелёными мхами. Самая «парадная» прямая аллея пролежала вдоль проспекта и отделялась от него, кроме чугунной ограды, довольно плотным высоким декоративным кустарником, на котором к концу лета созревали ягоды от жёлтого до малинового цвета. Их почему-то называли «волчьими», это нас настораживало, и в рот их никто не брал. В парке высились старинные клёны, дубы, ясени, вязы, росли также и «сорные» непарковые – гигантские тополя и несколько берёз. Самым старым деревьям было тогда предположительно 50—80 лет. Цветников никогда не разбивали, газоны не косились. Одним словом – нерегулярный полузапущенный от советского небрежения городской парк. Ставки садовника в школе, естественно, не было, и вообще непонятно, на чьём балансе, школы или города, был тогда этот чудо-уголок природы.

Из памятных раритетов парка – малых архитектурных форм вспоминается старинная дорожка из пудожского плитняка, ведущая к парадному входу со стороны улицы Большой Монетной. Сегодня этих плит нет, может, они у кого-то на даче, а это место, естественно, закатано в асфальт. Одним словом – пришёл очередной, вероятно, небескорыстный «хам», лукаво рядящийся «крепким хозяйственником».

Чем для нас, школяров, был тогда этот просторный парк, полностью отгороженный от внешнего мира высоким забором? Думаю, пространством безусловной свободы и одновременно защищённости. Ведь как это важно для формирования горизонтов души подростка!

Годовой цикл парка начинался, естественно, с очередного первого сентября, начала учебного года. В этот чаще солнечный день с утра в парке у школы собирались дети: первоклашки, обычно с родителями, школьники постарше, вернувшиеся с летнего отдыха, и, конечно, наши учителя. Букеты цветов, тогда не голландские, а свои дачные: гладиолусы, астры, флоксы. «Бывалые» старшеклассники с важным оценивающим прищуром снисходительно поглядывают на малолеток.

Наконец первый звонок, и... школа оживала.

Почти весь сентябрь погода обычно позволяла выбегать на переменах в парк. Золотились листья клёнов, опадали изумрудные лаковые жёлуди, ими почему-то хотелось наполнить карманы. Зачем? Может, какая-то сакральная форма и красота семени, зерна, первоисточника жизни, манила нас своей пока непонятной скрытой силой?

Чтобы прийти в школу с улицы Рентгена, надо было обойти всю ограду парка по тротуару проспекта. Кто-то из мальчишек сообразил перелезть через забор Радиевого института, экономия времени 7—10 минут. Вскоре нас заметили институтские и установили дополнительное ограждение.

Постепенно с холодами в листве появлялся багрянец, частили дожди, и мы наблюдали за парком уже из школьных окон. В конце ноября мог выпасть и первый снежок, убирать его было некому, и прогулки по парку прекращались.

Всю зиму парк стоял в снегу, и лишь к весне, в конце февраля, по его периметру прокладывалась лыжня для зимних уроков физкультуры. В дни оттепели играли в снежки, катали снеговиков, особенно «продлёнщики» на прогулках.

В марте снег таял, разливалось озеро, и это половодье привлекало особо отчаянных ребят, которые, приспособив какие-то деревянные щиты, в резиновых сапогах по очереди затевали навигацию на этих «плотах».

В начале апреля в свои гнезда по-свойски возвращались грачи, и под их грай вспоминалась картинка Саврасова из «Родной речи» – «Грачи прилетели».

С наступлением мая распускались листья, пробивалась первая трава, от тепла солнечных лучей подсыхали парковые дорожки, и уже по одной из них можно было сдавать зачёт по бегу на 60 метров. Девочки доставали на переменах скакалки, парни играли в «ножички», «слона», «козла», «отмернОго» – кто помнит сейчас эти уличные игры? У памятника Ленина 19 мая проходил приём в пионеры. К этим числам уже чувствовалось завершение учебного года, приближение летних каникул.

И мы беззаботно разлучались с нашим парком до сентября, не сомневаясь, что он дожждётся нас, и так будет всегда! В своих уже взрослых снах мне виделось как:

*«...к старости стихнув, фотографом стану,
и в парке, раскинув треногу и зонт,
душой освещенной жалеть не устану
закаты, летящие за горизонт.
Любить не устану ту зыбкую вечность
теней, мимолетностей, полутонов,
что раньше не видел, надеясь на вечность,
что, в общем, и видеть-то был не готов...
А к вечеру по отдаленной аллее,
на плечи закинув треногу и зонт,
неспешно уйти, ни о чем не жалея,
навстречу закату за свой горизонт.»
Евг. Курдаков*

...Однако, спустя годы, после упразднения школы и перепрофилирования комплекса зданий, парк открыли для сквозного прохода, он и стал проходным, перестал быть приватным внутришкольным. На скамьях появились любители выпить и закусить, запестрели под ногами окурки, сквернословие разрушающим диссонансом потеснило птичий щебет. Но главное – с исчезновением детских школьных голосов, мелькания белых воротничков, передничков и бантов, ушла какая-то незримая благодать.

Увы, наш школьный парк, как можно с грустью констатировать ныне, испустил свой лицейский дух. Прощай, дорогой друг, мы любили тебя, спасибо, что был с нами.

3.4. ГОЛУБАЯ ПАРТА ЛИЦЕИСТА САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

Завершилось ещё одно лето, можно сказать, совершили очередной круг жизни наших постаревших школяров, ведь когда-то, в допетровское время, новый год на Руси и начинался первого сентября. До сих пор незабываемы ощущения, чувства подростка, обнаруживающего ещё в разгар лета, в начале августа признаки мягко подступающей осени. Чувства сожаления, лёгкой тревоги и грусти от неспешного, но неумолимо тающего лета, сжимающегося пространства безграничной свободы, радостного творчества и просыпающейся ученической мобилизации школяра. В эти дни листва ещё оставалась по-прежнему свежей, дни тёплыми и солнечными, но вдруг заметишь на тропинках облетающие семена берёз, похожие на крошечных картонных птиц. Краем глаза отметишь смену цветения палисадов: включались гирлянды пронзительно-синих сапожков аконита, распускалось разноцветье традиционных «бездушных» георгинов, повсюду вспыхивали неприхотливые «золотые шары». Все эти цветы не

имели запаха, привлекающего пчёл и шмелей, сезон медосбора завершался. А воздух этого времени года наполнялся лишь грустным и томительным ароматом флоксов.

Сколько новых дачных друзей и их порой непростых судеб стали нам близки тогда и помнились долгие годы. Расскажу о двух Мишках.

Родители первого снимали комнату на соседней даче в Зеленогорске. Отец работал и приезжал сюда только по выходным. Парнишка был необщительным, нелюдимым, не участвовал в общих играх, но мы нашли общие интересы, и он помалу оттаял. Уже спустя годы узнал, что его мать – тихая, с мягким вкрадчивым голосом, оказалась домашним деспотом. Годами она методично изводила своих мужчин упрёками, едкими замечаниями, унижениями, взрастила в них комплекс вины. Так, дома, проходя по ковру, расстеленному на полу гостиной, им надлежало «петлять», дабы не натаптывать тропинку в ворсе. За непослушание – выволочка. Это надломило психику ребёнка. Мишкин отец первым нашёл для себя выход из этого тупика. Будучи электротехником, кандидатом наук, он ушёл из своего НИИ и устроился простым электриком в систему рыбоколхозов северо-запада. Теперь в любой момент дня или ночи он мог без лишних объяснений, прихватив дорожный чемоданчик, отбыть в далёкую командировку (или будто) на несколько дней. Ну а Мишка оставался один, принимая весь огонь на себя, и еле дотянул до армии, которая, правда, оставила дополнительные шрамы. Отец же втайне от супруги приобрёл в рыбацком посёлке Моторное за Приозёрском избу на берегу Ладоги. Там и скрывался при необходимости. Мишку спасала только живопись. Он неплохо писал маслом, изредка навещал тут отца, и в этом суровом, но прекрасном северном краю его полотна со светящимися медью стволами сосен на гранитных скалах ладожских берегов, казалось, не уступали работам самого Сезанна. Я любил там у них бывать и без пары увесистых сигов, обёрнутых в крапивные листья, в город не возвращался.

Второй Мишаня тоже приятель школьной поры, но уже по летнему отдыху на даче под Сосново. Тоже единственный сын у родителей. Его отец был известным в Ленинграде мастером-часовщиком, прилично зарабатывал, ведь часы тогда носили все, а они нередко ломались. Их дача была комфортной, с диковинным тогда открытым бассейном. Мы гоняли на велосипедах, а Мишаня уже тархтел на мопеде, это было тогда круто. Он любил технику, часто его разбирал, смазывал. Руки всегда были испачканы солидолом, ногти коротко обкусаны (тоже, видимо, были проблемы в семье). Однажды отец сделал ему «мужской» подарок – купил старый «горбатый» запорожец. Лето паренька наполнилось созидательным смыслом – автохлопотами. Через пару недель «убитый» движок заработал, и он с нами на этом «потомке» фиат-500 без номеров объездил по упругим лесным дорогам, присыпанным подстилкой хвойных иголок, все окрестные озёра и озёрки, речушки и грибные места под Сосново.

Каждое каникулярное лето пополняло наш словесный тезаурус. Помню – школьный друг привёз однажды с Рошинской дачи неизвестное ранее словечко «брень». Оказалось – особая сеть для ловли рыбы на мелководе (видимо, от слова «брести»). От Мишани познали «шкворень», «торсион» и прочие автотермины. Одобряя, что-либо говорили : «самото», «парадиз» или «икебана», ну, а всякую дрянь называли «скотобазой» или вроде того.

Уже спустя годы, в 90-е, узнал, что Мишаня женился. Его избранница оказалась «штучкой»: била мужа металлическим будильником по голове, попрекала безденежьем, устраивала истерики от невозможности с ним «красивой жизни», исчезала на недели, но вновь возвращалась. Он решил рискнуть быстро заработать: собрал в долг сумму денег и заказал вагон с холодильниками для продажи. Вагон пришёл, но не с техникой, а набитый медицинскими халатами, да ещё и неликвидными, почти детских размеров. Поняв последствия, вся семья, ночуя какое-то время у друзей, спешно бежала в Америку. Там через год Мишкина жена разбилась в автокатастрофе, а нынче не стало и родителей. Остался один.

Вспоминаю приятеля в связи с моим школьным приключением той поры. К его описанию и приступаю.

Кроме восстановления старого автомобиля мы слушали на даче вечерние программы «Голоса Америки», конечно, музыкальные. Помните: «Кисс», «Пинк Флойд», гитариста Джими Хендрикса. Эта музыка притягивала, заводила, хотелось подражать, и мы однажды озаботились изготовлением собственных электрогитар. Гриф и струны от старых сломанных акустических гитар, звукосниматели сделали сами по статье из журнала «Моделист-Конструктор». Деки выпилили из сухой доски, отшлифовали. А для покраски я нашёл начатую банку польской голубой эмали, оставшуюся после окрашивания дачи. Поэтому у нас и получились «голубые гитары». Моя потом долго висела над диваном в городе, а баночка с остатками краски оказалась до поры припрятанной под городской чугунной ванной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.